

Е. В. Кочнева

**АРХЕОГРАФ И ИСКУССТВОВЕД:
К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО И Н. Н. ВРАНГЕЛЯ**

Личное сотрудничество Б. Л. Модзалевского и Н. Н. Врангеля началось в начале марта 1911 г., после того как в конце февраля 1911 г. Комиссия по подготовке задуманной Академией наук масштабной выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», посвященной 200-летию юбилею М. В. Ломоносова, по предложению уезжавшего за границу А. Н. Бенуа, положила пригласить барона в свой состав для подготовки раздела, посвященного искусству Елизаветинского времени.¹

Знали они друг друга гораздо раньше, поскольку ко времени организации выставки барон Врангель являлся одним из видных представителей петербургского ретроспективизма, заслужил всеобщее признание как искусствовед, крупный знаток русского искусства XVIII–XIX вв., организатор ярких историко-художественных выставок, чье участие «в художественных проектах гарантировало успех делу и массовый интерес у публики»,² один из организаторов и деятельный участник «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины», постоянный автор и соредактор «ежемесячника для любителей искусства и старины “Старые годы”». Как отмечает исследовательница научного наследия Н. Н. Врангеля Ирина Золотинкина: «Редакция “Старых годов” внесла существенный вклад в превращение художественных музеев в научные искусствоведческие учреждения. Деятельность сотрудников журнала способствовала активизации музейной жизни в 1910-е гг.; упрочению авторитета му-

---

¹ См.: Протокол заседания Комиссии по устройству выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» от 28 февр. 1911 г. // СПбФ АРАН, ф. 57, оп. 1, № 5, л. 131 об.

² Золотинкина И. Николай Врангель, барон и искусствовед: «Моноклем остекливший глаз...» (1880–1915) // Наше наследие. 2004. № 69. С. 54.

зеев в художественной жизни и трансформации в общественном сознании из “богадельни” в культурный центр. В конечном итоге все это влияло на распространение в обществе живого увлечения стариной и популярности идей ретроспективизма».³

Хочется отметить тот факт, что кураторская деятельность Врангеля началась именно с сотрудничества с Императорской Академией наук, первая его выставка – «Русская портретная живопись за 150 лет (1700–1850)» была открыта 7 марта 1902 г. в залах Академии. На ней впервые акцентировалась не историческая значимость портретируемых лиц, а художественная сторона выставляемых портретов. Выставка не получила такого широкого общественного резонанса, как организованная С. П. Дягилевым Таврическая выставка 1905 г., но она известна всем последующим поколениям исследователей русского искусства XVIII–перв. пол. XIX в., а ее иллюстрированный каталог считается почти идеально составленным даже по современным меркам.⁴ Именно в Академии наук – в отличие от Академии художеств, с которой, как известно, у Врангеля были весьма сложные и конфликтные отношения⁵ – начинающий, а впоследствии известный искусствовед всегда находил всестороннюю поддержку и понимание. Неслучайно, что его последний и самый яркий художественный проект – выставка «Ломоносов и Елизаветинское время» – также был создан под эгидой Императорской Академии наук.

Б. Л. Модзалевский, как и Врангель, являлся великолепным знатоком русской иконографии конца XVIII–перв. пол. XIX в. и обладал значительным опытом организации масштабных историко-литературных выставок, начиная с юбилейной пушкинской выставки 1899 г., альбом и каталог которой также считались образцовыми для своего времени.⁶ За ней последовало еще два крупных историко-литературных проекта, созданных по заданию ИАН: к 25-летней годовщине со

---

³ Золотинкина И. А. Журнал «Старые годы» и ретроспективное направление в художественной жизни Петербурга (1907–1917): Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2009. С. 15.

⁴ Золотинкина И. Николай Врангель, барон и искусствовед... С. 56. См. также: Подробный иллюстрированный каталог выставки русской портретной живописи за 150 лет (1700–1850) / Сост. Н. Н. Врангель. СПб.: Изд. Общества Синего Креста, 1902.

⁵ См. об этом подробнее: Золотинкина И. Николай Врангель, барон и искусствовед... С. 60–61.

⁶ Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии наук в С.-Петербурге. Май 1899 / Под ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского. М., 1899.

дня смерти И. С. Тургенева (совместно с Ф. А. Витбергом) и к 100-летию со дня рождения А. В. Кольцова (совместно с Ф. А. Витбергом и А. И. Лященко) – обе в 1909 г. Как указывает Б. И. Коплан: «По случаю этих литературных дат Разряд изящной словесности при Отделении русского языка и словесности предпринял устройство выставок и пригласил в члены выставочных комитетов Б. Л. Модзалевского, уже достаточно зарекомендовавшего себя как устроителя Пушкинской выставки 1899 г. <...> Вместе с Ф. А. Витбергом Борис Львович понес огромный труд (за который он получил золотую Пушкинскую медаль) по организации выставки и собиранию экспонатов для нее; им удалось собрать, кроме печатного материала, около 600 портретов, рукописей и иллюстраций, относящихся к жизни и творчеству Тургенева. Старанием этих двух лиц был напечатан подробный каталог выставки, ставший ценным библиографическим пособием для изучения жизни и творчества Тургенева и его эпохи и <...> потребовавший сразу второго издания».⁷ Не менее внушительной получилась и выставка памяти А. В. Кольцова, на которую «устроителям удалось собрать около 500 ценнейших экспонатов».⁸

Кроме того, в 1910–1911 гг. Модзалевский принимал участие в подготовке грандиозной историко-литературной выставки «Русские писатели XIX века», задуманной им совместно с А. А. Бахрушиным, Н. А. Котляревским и В. А. Рышковым, которая должна была проходить в залах московского Исторического музея с 1 дек. 1911 г. по 1 февр. 1912 г.⁹

---

⁷ Коплан Б. И. Краткий очерк научной деятельности Б. Л. Модзалевского: (к первой годовщине смерти) // Известия Академии наук СССР за 1929 год. Л., 1929. С. 306–307. См. также: Каталог выставки в память И. С. Тургенева в Императорской Академии наук. Март 1909 / Сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг. СПб., 1909.

⁸ Коплан Б. И. Краткий очерк научной деятельности Б. Л. Модзалевского. С. 307. См. также: Каталог выставки в память А. В. Кольцова в Императорской Академии наук. / Сост. Б. Л. Модзалевский, Ф. А. Витберг, А. И. Лященко. СПб., 1909.

⁹ «Стремясь усилить приток пожертвований, – а в частных руках в ту эпоху находилось неисчислимое множество бесценных историко-литературных реликвий, – Комиссия по постройке памятника Пушкину в Петербурге, по предложению А. А. Бахрушина, решила в 1911 г. устроить в Москве выставку “Русские писатели XIX века”. <...> Выставка преследовала и другую цель – “ознакомить русское общество с задачами проектируемого Пушкинского Дома и <...> усилить средства на сооружение его”. Она должна была <...> представлять как материалы, собранные в фондах Пушкинского Дома, так и принадлежащие частным владельцам, приглашаемым к участию...» (Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: 1905–1930–1980 (Исторический очерк). Л., 1980. С. 32).

Список русских писателей, материалы о которых должны были быть представлены на временной экспозиции, включал в себя 242 (!) персоналии, в том числе такие масштабные фигуры, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов и Л. Н. Толстой.¹⁰

Выставка несколько раз переносилась и в итоге не состоялась как по причине своей грандиозности и огромного количества привлеченных организаций и лиц, а также из-за приближающихся крупных юбилейных дат – 100-летия Отечественной войны 1812 г. и 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова.

Борис Львович несомненно посещал выставку «Русской портретной живописи», как и Таврическую выставку 1905 г., к работе над которой Врангеля привлек сам Дягилев. Можно предположить, что и Н. Н. Врангель при подготовке своего первого экспозиционного проекта пользовался каталогом пушкинской выставки 1899 г., косвенным свидетельством этому является то, что некоторые из представленных на выставке 1902 г. портретов ранее экспонировались на пушкинской выставке, как, например, живописный портрет княгини З. А. Волконской в костюме Танкреда работы Ф. А. Бруни (между 1820–1824), ныне хранящийся в собрании ГРМ,¹¹ и некоторые другие.

Председателем специальной комиссии ИАН по устройству Елизаветинской выставки был назначен неперменный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург. В качестве организаторов отделов (первоначально их было задумано 22, затем количество уменьшилось до 17) в комиссию были приглашены крупные ученые и деятели культуры – В. Я. Адарюков, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Ф. А. Витберг, Н. В. Голицын, Н. П. Лихачев, Н. Е. Макаренко, В. И. Срезневский, П. Н. Стол-

---

¹⁰ Как следует из программы выставки, она должна была состоять из 11 разделов: «I. Портреты: писателей, критиков и публицистов, от Державина до Чехова включительно, в разные периоды их жизни; лиц, им близких и крупнейших государственных и общественных деятелей их времени; II. Скульптура; III. Картины: а) Писатели в семейном кругу или в иной обстановке (современные и позднейшие); б) Местности, связанные с именами писателей; в) Могильные памятники; IV. Рукописи; V. Экземпляры современных каждому писателю изданий его сочинений в современных же обложках и переплетах; VI. Иллюстрации к произведениям; VII. Карикатуры; VIII. Вещи, принадлежавшие писателям; IX. Театр (типичные представители различных эпох его развития); X. Миниатюры (как иллюстрация костюмов эпохи); XI. Виньетки изданий 1810-х–1840-х годов» // СПбФ АРАН, ф. 281, оп. 2, № 240, л. 4, 4 об., 5.

¹¹ Учетный номер: Ж-3409. Государственный Русский музей. Каталог собрания. Живопись первой половины XIX века. СПб., 2002. Т. 2. С. 82. Кат. 158.

пьянский, А. А. Шахматов и многие другие, а также представители военных министерств и ведомств. Кроме того, к участию в выставке были привлечены все наиболее значительные столичные и провинциальные музеи и частные коллекции, в которых могли находиться материалы, связанные с эпохой императрицы Елизаветы.¹²

Б. Л. Модзалевский с самого начала являлся секретарем выставочной комиссии и отвечал как организатор за отделы «Ломоносов. Академия наук и Московский университет», «Портреты императрицы Елизаветы, ее родственников и деятелей ее времени», «Быт елизаветинского времени», «Книги, печатные издания и карты» и «Академия наук».¹³ Н. Н. Врангель, вошедший в состав комиссии 7 марта 1911 г., а 16 янв. 1912 г. единогласно избранный генеральным комиссаром выставки, руководил непосредственной организацией экспозиции, разработкой ее основной концепции.¹⁴ И. А. Золотинкина подчеркивает тот факт, что «сотрудники “Старых годов” участвовали как приглашенные специалисты во многих крупных выставочных проектах начала XX в.», затеяя и вытесняя при этом «других членов выставочных комиссий».¹⁵

Не стала исключением и выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Первоначально Врангель был приглашен руководить устройством двух отделов – «Искусство елизаветинской эпохи» и «Виды русских городов», но, как показывают протоколы заседаний выставочной Комиссии, хранящиеся в СПбФ АРАН, буквально с первого заседания, в котором он участвовал (7 марта 1911 г.), он активно берет инициативу в свои руки и в недолгий срок становится главным организатором выставки.

Генеральный комиссар и секретарь комиссии, «помимо решения организационных вопросов, занимались также созданием экспозиции» – так, отделы «Зал Императрицы» и «Ломоносов. Академия наук и Московский университет» были сформированы Н. Н. Врангелем и Б. Л. Модзалевским.

---

¹² См. протоколы заседаний Комиссии по устройству выставки «Ломоносов и Елизаветинское время»: СПбФ АРАН, ф. 57, оп. 1, № 5, а также обстоятельную статью И. А. Лаврухиной, посвященную этому вопросу: *Лаврухина И. А.* Елизаветинская выставка: История создания и бытования // Петербургская Академия наук в истории Академий мира: К 275-летию Академии наук: Материалы междунар. конф. СПб., 1999. Т. 3. С. 17–26.

¹³ СПбФ АРАН, ф. 57, оп. 1, № 5, л. 130 об.–131.

¹⁴ *Лаврухина И. А.* Елизаветинская выставка... С. 17.

¹⁵ *Золотинкина И. А.* Журнал «Старые годы»... С. 18.

Выставка была открыта в залах Императорской Академии художеств 17 апр. 1912 г. Главной задачей экспозиции, по мысли Врангеля, было создание памятника елизаветинской эпохе, что по достоинству оценили современники, в частности Д. В. Философов, посвятивший ей статью «Симфония в синем и оранжевом»: «Устроители ее (выставки. – Е. К.) барон Н. Н. Врангель и архитектор Н. Е. Лансере создали какую-то художественную симфонию на тему: Елизаветинское время. Получился XVIII век через призму утонченнейших людей века двадцатого».¹⁶ На следующий день после открытия была сделана групповая фотография членов выставочной комиссии, на которой в центре в первом ряду мы видим оживленного, смеющегося генерального комиссара – Н. Н. Врангеля и скромно сидящего с краю секретаря – Б. Л. Модзалевского.¹⁷

К открытию выставки был издан каталог и путеводитель, главным редактором которого и автором ряда предисловий был Н. Н. Врангель. В библиотеке Пушкинского Дома хранится экземпляр каталога из собрания Врангеля с его собственными пометами и исправлениями на полях.¹⁸

Кроме того, был задуман иллюстрированный альбом выставки в 17 томах, который должен был стать своеобразным памятником этому выдающемуся художественному проекту. Среди материалов архива выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», хранящегося ныне в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, находится черновик записки с изложением этого издательского проекта, составленной для президента ИАН великого князя Константина Константиновича, на основании которой можно судить о грандиозности задуманного издания: «Со многих наиболее любопытных экспонатов, бывших на выставке “Ломоносов и Елизаветинское время”, удалось, насколько позволяли материальные средства, сделать фотографические снимки, но было бы чрезвычайно важно и для целей историко-художественных чрезвычайно полезно выпустить их в свет, хотя бы в наиболее интересной их части, в особом издании. В этом

---

¹⁶ *Философов Д. В.* Симфония в синем и оранжевом // Русское слово. 1912. 22 апр. № 94. Цит. по: *Лаврухина И. А.* Елизаветинская выставка... С. 17.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 184 (Б. Л. Модзалевский).

¹⁸ Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Путеводитель и каталоги / Сост. Н. Н. Врангель, Б. Л. Модзалевский и др. СПб., 1912. Инв. № 223501.

издании помимо изображений самых интересных предметов желательно было бы поместить и историко-описательные статьи к ним, написанные устроителями выставки, а [по своему внешнему виду] в целом издание это должно быть достойно Высокого Покровителя Выставки. <...>

Составление этого издания и наблюдение за печатанием и прочим могло бы быть поручено Комитету, уже избранному для этой цели Комиссией по устройству Выставки. <...>

В XVII отделах выставки было собрано до 5000 предметов, относящихся к многоразличным сторонам правительственной, общественной и частной жизни России и ее населения. Предметы эти стекались на выставку с различных сторон: из столицы и других больших городов, из глухих местностей обширного нашего Отечества, даже из-за границы, и по закрытии выставки опять вернулись к своим владельцам, чтобы снова, может быть, уже навсегда, скрыться от взоров историков и археологов.

В последнее время за границей, а в отдельных случаях и у нас, начали издавать иллюстрированные каталоги, альбомы и т. п. предметов, показанных на выставках; такие издания часто спасают для науки предметы, которые до того исчезали совершенно из научного обихода, погибая от сырости, пожаров и т. п., или затеряны в частных собраниях».¹⁹

Как значится в протоколе заседания Комиссии по изданию каталога Елизаветинской выставки от 11 марта 1913 г., финансирование издания было высочайше одобрено: «Председатель (С. Ф. Ольденбург. – *Е. К.*), сообщив об отпущенных из сумм Кабинета Его Величества 20 000 руб., предложил перейти к обсуждению вопроса об издании описания выставки, при чем представил следующий план издания, выработанный им совместно с бароном Н. Н. Врангелем (курсив мой. – *Е. К.*)²⁰ <...>

---

¹⁹ СПбФ АРАН, ф. 57, оп. 1, № 11, л. 250–250 об. Б/д. <1912>. Автограф.

²⁰ По мысли организаторов, каталог Елизаветинской выставки должен был состоять из 8 томов, изданных тиражом 500 экз. Первые два тома должны были включать «очерк истории выставки, с указанием всех израсходованных на нее средств». Третий том должен был быть посвящен описанию книг гражданской печати елизаветинского времени, четвертый – описанию книг церковной печати, пятый – мозаикам Ломоносова, шестой – библиографии изданий о Ломоносове на русском и иностранном языках, седьмой и восьмой – включать «снимки с наиболее интересных <...> экспонатов выставки и с ее помещений». СПбФ АРАН, ф. 57, оп. 1, № 11, л. 263 об.–264.

План этот одобрен Комиссией, при чем положено просить барона Н. Н. Врангеля собрать совещание устроителей отделов выставки для решения вопроса о количестве снимков для каждого отдела, сообразно с суммой, имеющейся в распоряжении Комиссии; доклад совещания должен быть представлен на утверждение ближайшего заседания Комиссии; кроме того, барону Врангелю поручено войти в сношение с фирмой Прокудин-Горского, предложившей взять на себя исполнение иллюстраций».²¹

К сожалению, это масштабное издание не было завершено до конца: были опубликованы только несколько томов.²² Связано это было с тем, что работа над изданием сильно затянулась как по причине печальных исторических событий, так и из-за значительной занятости авторов, в первую очередь Н. Н. Врангеля, который был главным генератором проекта: в 1912–1913 гг. он занимался подготовкой масштабного, но так и не реализованного из-за разногласий организаторов проекта выставки к 300-летию Дома Романовых, осенью 1913 г. находился в длительном европейском турне по Франции и Испании в связи с подготовкой каталога картинной галереи Эрмитажа. В 1914 г. с началом Первой мировой войны Врангель уходит добровольцем на фронт начальником военно-санитарного поезда, затем работает в управлении Красного Креста в Варшаве, где скоропостижно умирает в госпитале 15 июня 1915 г.²³ Со смертью Врангеля работа по изданию части каталога, посвященной портретному и бытовому отделам

---

²¹ Там же. Изготовлением иллюстраций к каталогу должно было заниматься знаменитое ателье «Художественной фотоцинографии С. М. Прокудина-Горского» (исторический адрес – Большая Подьяческая, 22), основанное пионером русской цветной фотографии Сергеем Михайловичем Прокудиным-Горским (1863–1944). В архиве выставки сохранилась смета фирмы Прокудина-Горского на изготовление иллюстраций к каталогу, датированная 10 июня 1913 г. (СПбФ АРАН, ф. 57, оп. 1, № 11, л. 272).

²² Каталог выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». Т. IV. Издания церковной печати времени императрицы Елизаветы Петровны. 1741–1761 / Сост. В. И. Срезневский, А. Л. Бем. Пг., 1914; Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Т. VI. Библиография изданий сочинений М. В. Ломоносова на русском языке / Сост. Г. З. Кунцевич. Пг., 1918; Каталог выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». Т. VII. Материалы по библиографии о Ломоносове на русском, немецком, французском, итальянском и шведском языках / Сост. А. Г. Фомин, К. Дукмейер, Г. Эллис, А. Мартен, А. Иенсен. Пг., 1915; Каталог выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». Т. VIII. Мозаичные работы Ломоносова / Сост. Н. Е. Макаренко. Пг., 1917.

²³ Подробнее об этом см. в статье: *Золотинкина И.* Николай Врангель, барон и искусствовед... С. 50–68.

выставки, окончательно затормозилась, и в полном виде он так и не был опубликован.²⁴

В Рукописном отделе ИРЛИ хранится переписка Врангеля и Модзалевского по поводу редактуры и издания альбома, содержащая 6 писем: три письма Врангеля к Борису Львовичу в архиве Модзалевского, два из них датированы 1913 г., одно – 17 мая 1915 г. (менее чем за месяц до преждевременной кончины искусствоведа). И три письма Модзалевского к Врангелю в архиве Н. Н. Врангеля, одно датировано 1913 г., два других написаны 3 апр. 1915 г. и 12 июня 1915 г. соответственно (последнее написано за три дня до смерти Николая Николаевича).

Первое письмо от 28 авг.–11 сент. 1913 г. послано Врангелем из Барселоны:

«Многоуважаемый Борис Львович,

Посылаю Вам из Гишпаниии мое предисловие по Бытовому отделу и корректуру всех каталогов. Предисловие не серьезное нарочито, ибо я старался сделать его в типе других популярных предисловий, имеющих, скорее характер путеводителя для публики. В отделе портретов у меня возник вопрос по отношению к №№ 24, 59 и 86.²⁵ Суть

---

²⁴ В архиве выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» сохранилась переписка между Хозяйственным отделом бывшего Кабинета ЕИВ и непреренным секретарем АН С. Ф. Ольденбургом по поводу возмещения средств, отпущенных Кабинетом на издание каталога, датированная концом 1917–началом 1918 г. В письме от 22 февр. 1918 г., отвечая на запрос Хозяйственного отдела, Ольденбург сетует, что не может указать точные сроки завершения издания и объемы продаж, «так как вследствие типографской разлухи напечатание этого издания, разделенного на 8 томов, затянулось и совершенно нельзя предвидеть, когда оно кончится, т<ак> к<ак> типографии работают с исключительной медленностью» (СПбФ АРАН, ф. 57, оп. 1, № 10, л. 207, 210).

²⁵ Портрет А. И. Бибикова (1729–1774) работы Ф. С. Рокотова (начало 1770-х) из собрания А. Д. Романовой – вдовы заместителя министра финансов и известного коллекционера портретной живописи П. М. Романова (1851–1911). См.: Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Путеводитель и каталоги. Отдел III. С. 8. № 24. Ныне местонахождение неизвестно. См.: *Котельникова И. Г.* Атрибуция Ф. С. Рокотову парадного портрета А. И. Бибикова из Эрмитажа // II науч. конф. «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства»: Материалы. М., 1996. С. 56. Под № 59 имеется в виду портрет кн. И. Ф. Дондукова (1731–1831) работы Ф. С. Рокотова (втор. пол. 1760-х) из собрания А. В. Беляева. См.: Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». С. 12. Ныне находится в собрании ГТГ, учетный номер – Ж-406. См.: Государственная Третьяковская галерея: Каталог

в том, что *после* выставки они перешли в другие руки и *теперь* уже собственность других коллекционеров. Спрашивается: нужно ли сохранить точно каталог выставки в его прежнем виде или же “обмодернить” его? Вопрос принципиальный, который нужно решить Вам и Сергею Федоровичу (Ольденбургу. – *Е. К.*), если Вы придете к 1-му решению, то зачеркните мою поправку №№ 24, 59 и 86.

Посылаю Вам также найденный мной в Женеве еще один портрет Эйлера²⁶ для собрания академических портретов.

Простите, что пишу так небрежно, ибо адски устал, не спавши всю ночь в ужасном испанском вагоне.

Тем не менее я в диком восторге от всего. Завтра еду на Майорку, а потом по маленьким городкам и в Португалию. Мой привет Сергею Федоровичу.

Искренне преданный Вам,
Н. Врангель».²⁷

Письмо, во-первых, свидетельствует о высокой работоспособности и профессиональной ответственности Врангеля (черты характера, вызывавшие искреннее восхищение его современников): даже находясь в путешествии, Николай Николаевич продолжал свою работу над предисловиями к отделам и корректурой каталога. Во-вторых, о том, что он был в курсе исследовательской деятельности Модзалевского, так как в это время Борис Львович занимался изучением коллекции «академических портретов» из собрания ИАН, включавшего в себя портретные галереи представителей Академии наук и Российской академии.²⁸ В 1912 г. им были опубликованы два иллюстрированных

собрания. Т. 2. Живопись XVIII века. М., 1998. С. 198–199, № 258. Под № 86 значится портрет кн. Б.-Л. А. Куракина (1733–1764) из собрания А. Д. Романовой (см.: Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». С. 15). Гравирован А. Радигом в 1780 г. В настоящее время местонахождение неизвестно. См.: *Римская-Корсакова С. В., Романычева И. Г.* Федор Степанович Рокотов: Жизнь и творчество. Технологическое исследование произведений Ф. С. Рокотова из собрания ГРМ. СПб., 2008. С. 279–280, № 17. Выражаю свою искреннюю признательность хранителю фонда русской живописи Государственного Эрмитажа Ю. Ю. Гудыменко за помощь в подготовке комментария.

²⁶ *Эйлер Леонард* (1707—1783) — выдающийся швейцарский математик, физик, механик и астроном, внесший фундаментальный вклад в развитие этих наук. Действительный член Петербургской ИАН (с 1727) и ряда европейских академий наук.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 184, ед. хр. 225, л. 1–2 об.

²⁸ См. об этом: *Кочнева Е. В.* 1) Портретная галерея Российской Академии в собрании Литературного музея ИРЛИ РАН (по материалам выставки, посвященной

альбома «Сорок шесть...» и «Сорок семь литографированных портретов членов Императорской Российской академии»,²⁹ с подробной вступительной статьей об истории их создания, написанной на основе изучения фонда Российской академии из архива ИАН, заведующим которого он был назначен в том же году.

Факт пересылки Врангелем Модзалевскому портрета Леонарда Эйлера, а также крупное собрание материалов по иконографии членов Академии наук, поступившее в составе архива Б. Л. Модзалевского в Пушкинский Дом в 1928 г.,³⁰ являются косвенными свидетельствами того, что Борис Львович планировал продолжить изучение и публикацию академической коллекции.

В ответном письме от 2 окт. 1913 г., отправленном по пути следования Н. Н. Врангеля в Париж, Модзалевский сообщает:

«Многоуважаемый Николай Николаевич,

Пишу Вам, не уверенный, застанет ли Вас это письмо уже в Париже, но все-таки пишу, понуждаемый Сергеем Федоровичем. Дело в том, что Евдокимов³¹ доставил нам *все* (около 200) отпечатков с клише, заказанных для альбома Выставки, и просит разрешение печатать хотя бы часть их, чтобы *исподволь* вести работу. Сергей Федорович, естественно, без Вас дать ответ по сему поводу не может, почему и просит у Вас: необходимо ли ожидать Вашего возвращения или Вы доверите С<ергею> Ф<едоровичу> утвердить некоторые клише, от-

---

225-летию учреждения Российской Академии) // Материалы междунар. науч. конф. «Российская Академия (1783–1841). Язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX вв.». СПб., 2009. С. 183–205; 2) Коллекция портретов Российской Академии в собрании Литературного музея Пушкинского Дома: к истории создания // Сборник материалов XV Дашковских чтений. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2010. С. 302–314.

²⁹ Модзалевский Б. Л. 1) Сорок шесть литографированных портретов членов Императорской Российской академии. С исторической справкой. СПб., 1911; 2) Сорок семь литографированных портретов членов Императорской Российской академии. С исторической справкой. СПб., 1911.

³⁰ Книга поступлений Литературного музея ИРЛИ РАН № 1. Учетный номер – ПД-479.

³¹ Имеется в виду *Евдокимов Александр Александрович* (?–?) – русский фотограф, действительный член Императорского русского технического общества. С 1902 по 1914 г. заведовал «Художественной фотоцинкографией С. М. Прокудина-Горского, автор некоторых ранних снимков из его коллекции. В 1914 г., очевидно, разорвал сотрудничество с Прокудиным-Горским и возглавил свою собственную фотоцинкографию. По некоторым данным, в 1929 г. был репрессирован, сослан в Красноярск, в 1934 г. переведен в Архангельск. Информация с сайта «Международный научный проект “Наследие С. М. Прокудина-Горского”»: <http://prokudin-gorsky.org/rightpages.php?fname=circle>

носителем которых нет сомнения. Имейте в виду, что вопрос этот ставится лишь по просьбе А. А. Евдокимова, следовательно, Вам надлежит считаться только с ним.

Затем Н. Е. Макаренко³² хотел бы знать то же относительно церковно-бытового отдела: можете ли Вы дать ему “полную уверенность” в смысле заказа и утверждения снимков? Столпянский³³ волнуется насчет снимков своего отдела и хотел зайти выбрать их для заказа клише. Можно ли решать без Вас?

Каталоги уже переплетаются (текст). Мучусь с Михайловским,³⁴ от которого добился-таки отбора, но не могу добиться теперь ни текста каталога, ни фотографий, которые он хотел выбрать для клише. Деммени³⁵ просил послать ему каталог на просмотр в Сочи, обещал

---

³² *Макаренко Николай Емельянович* (1877–1938) – историк, искусствовед, археолог, член Императорской Археологической комиссии. Изучал памятники различных эпох на территории Новгородской, Тверской, Ярославской, Владимирской других губерний, а также на территории Украины, Поволжья, Казахстана. Исследовательскую деятельность начал в Эрмитаже ассистентом, затем помощником заведующего Античным отделом. В составе Софийской комиссии и Археологического Комитета исследовал Софийский собор, памятники Киевской Руси, Киево-Печерскую лавру и многие другие. В 1920–1925 гг. директор Киевского музея западного и восточного искусства (ныне – Национальный музей искусств им. Богдана и Варвары Ханенко). Жертва сталинских репрессий.

³³ *Столпянский Петр Николаевич* (1872–1938) – журналист, историк, краевед, библиограф. Заведующий XV отделом – «Виды и планы городов» – выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». В 1912–1918 гг. – библиотекарь и библиограф Русского музея. Сотрудничал в журналах «Старые годы», «Русский библиофил», «Зодчий» и др. После Октябрьской революции работал экскурсоводом, выступал с лекциями, одновременно сотрудничая в газетах. С 1930 г. – научный консультант Публичной библиотеки. Создал картотеку по истории Санкт-Петербурга (около полу-миллиона карточек), которую в 1930 г. передал в Публичную библиотеку. Председатель общества «Старый Петербург – Новый Ленинград».

³⁴ *Михайловский (Михаловский) Иосиф Болеславович* (1866–1939) – архитектор, реставратор, профессор теории и истории архитектуры С.-Петербургского института гражданских инженеров, действительный член Русского археологического общества. Заведующий V разделом – «Архитектура» – выставки «Ломоносов и Елизаветинское время».

³⁵ *Деммени (Demmeni) Михаил Гугович* (ок. 1870–после 1923) – русский археолог и нумизмат немецкого происхождения. В 1887 г. по поручению вел. кн. Георгия Михайловича провел археографическую работу по выявлению документальных источников по истории монетного и медальерного дела в России; один из составителей многотомного издания корпуса русских монет XVIII–XIX вв. С 1889 г. – заведующий Монетным кабинетом вел. кн. Георгия Михайловича. Действительный член Московского нумизматического общества (с 1891), куда в 1893 г. пожертвовал свое собрание монет; секретарь нумизматического отделения Русского археологического

вернуть его через день, – а прошло уже больше 2-х недель, – и от него ни слуху, ни духу...

Спасибо Вам за портрет Эйлера, – очень любопытный. Я уже отдал его оправить в стекло. А портрет (Базельский) работы Handemann³⁶ у меня есть в хорошей гравюре на стали, которая была приложена к полному собранию сочинений, изданному Академией наук в 1850-х годах.³⁷

Довольны ли Вы своей поездкой или лучше – продолжаете ли быть довольны? У нас лишь со вчерашнего дня наступила осенняя гадость (уже палят пушки), а до того почти ежедневно было солнце.

Всего хорошего, многоуважаемый Николай Николаевич!

Будьте здоровы.

Вам преданный Б. Модзалевский.

2.X.913».³⁸

Несмотря на то что, отправляя свое письмо, Борис Львович не надеялся застать Врангеля в Париже, тем не менее послание нашло своего адресата. Ответное письмо Николая Николаевича датировано 18 окт. 1913 г.:

«Многоуважаемый Борис Львович,

Спешу ответить на Ваше письмо. Конечно, дабы не задерживать издание выставки, можно приступить к печати, но я бы очень просил, чтобы начали не с моего отдела, а с других заведующих, кои сейчас в Петербурге. Я вспомнил, что в моем каталоге (теперь) имеется одна ошибка, касательно портрета кн<ягини> Волконской, которую исправить могу только на месте.³⁹ Если мой отдел портретов

общества (с 1906), редактор «Записок нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества» (1906–1913). Заведующий VI отделом выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» – «Монеты и медали царствования императрицы Елизаветы I».

³⁶ Имеется в виду гравированный портрет Л. Эйлера с живописного оригинала работы швейцарского живописца и графика Э. Хандманна 1756 г. В Литературном музее ИРЛИ хранятся две гравюры на стали подобного типа, созданные немецким гравером И. Штенглином в 1768 г. Учетные номера: И. 27654, 27659.

³⁷ В личной коллекции Б. Л. Модзалевского имелось четыре гравированных портрета Л. Эйлера, которые он, наряду с другими материалами, предоставил для экспонирования на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время» (СПбФ АРАН, ф. 57, оп. 1, № 12, л. 75).

³⁸ РО ИРЛИ, ф. 60, № 6825, л. 1–2 об.

³⁹ В экземпляре каталога-путеводителя выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» из собрания Пушкинского Дома, ранее принадлежавшего Н. Н. Врангелю, сохранилась правка его рукой каталожной статьи, посвященной портрету княгини

еще не печатался, то постарайтесь задержать. Кажется, можно предоставить полную свободу Макаренко, который знает свой отдел гораздо лучше, чем я. Не понимаю, почему волнуется Столпянский, ведь снимки для его отдела были выбраны им самим (помните – в заседании?).

Здесь погода райская – весь день хожу без пальто. Пробуду еще неделю в Париже, потом поеду дней на 5 в Лондон и т. д.

Вернусь в Петербург между 21 и 23 окт. ст. ст.

Желаю Вам всего лучшего, кланяюсь Сергею Федоровичу и остаюсь искренне Вам преданный

Н. Врангель.⁴⁰

Следующая часть переписки датирована 1915 г. В первом письме от 3 апр. 1915 г. Борис Львович сообщает:

«Многоуважаемый Николай Николаевич,

Ваше письмо получил третьего дня, тотчас снесся с Цинкографией Прокудина, получил от нее кое-что и, с прежде полученным, посылаю Вам на просмотр и утверждение к печати.

Всего-навсего посылается Вам 80 снимков, из коих 20 уже были у Вас, но я еще раз посылаю, чтобы Вы *все* имели в руках сразу; дальнейшие подписи делаются, а штук 30 еще у меня и дождутся Вашего приезда, чтобы получить дальнейшее движение.

Д. П. Струков⁴¹ безнадежно задержал описание своего отдела, я трижды говорил с ним по телефону, напоминал, получал обещания, – и только. М<ожет> б<ыть> Вы ему напишете от себя два слова и попросите сделать подписи и прислать мне? Адрес его: Петроград, Крепость, Артилл<ерийский> музей.

По справке у Прокудина оказывается, что всех клише сделано 370 или около того. Из них:

– к 80 клише набраны подписи (посылаются Вам),

Софьи Семеновны Волконской (отдел 3, с. 9, № 31). В частности, он уточняет, что изображенная была княжной, вычеркивает прежний титул (княгиня, урожденная княжна Мещерская. – *Е. К.*) и даты жизни и указывает, что она была дочерью, а не супругой князя С. Ф. Волконского, чей портрет также находился на выставке (отдел 3, с. 9, № 31), и ниже приписывает: «Умерла в девичестве».

⁴⁰ РО ИРЛИ, ф. 184, № 225, л. 4–4 об. Выражаю свою искреннюю признательность М. М. Павловой за помощь в прочтении текста.

⁴¹ *Струков Дмитрий Петрович* (1864–1920) – генерал-майор, начальник Главного артиллерийского управления, один из создателей Российского пожарного общества, заведующий, затем – начальник Исторического артиллерийского музея (1903–1919). Заведующий XII – «Военным отделом» – выставки «Ломоносов и Елизаветинское время».

– к 228 делаются подписи и будут доставляться постепенно мне и пересылаться Вам,

– 25 клише посылаю сегодня в типографию для сделания (так! – *Е. К.*) набора подписей,

– около 30 таких клише, как я сказал выше, без Вас ничего не мог сделать.

Вот Вам общая картина положения дела: как видите, оно не безнадёжно и им стоит заняться.

Текст всех каталогов уже готов, и теперь дело за указателем, который уже составляется и, надеюсь, будет вскоре готов.

Большое Вам спасибо за Петрова;⁴² он Вам уже написал сам. Был он у Молво⁴³ и доволен результатом беседы, но теперь он оказывается, как ратник 1-го разряда, призванный, и не знает, что будет с ним дальше. Авось все уладится.

С кн. С. М. Волконским дело улаживается, и он, кажется, окончательно решился издавать свой архив.⁴⁴ Очень Вам благодарен, что вспомнили обо мне, когда речь зашла о таком хорошем деле.

Посылаю Вам, как нашему жертвователю, “Временник Пушкинского Дома” за 1914 год. С. Л. Бертенсону⁴⁵ шлю привет и жалею, что

---

⁴² Личность идентифицировать не удалось.

⁴³ В начале XX в. в Петербурге проживали три представителя этой немецкой купеческой фамилии – родные братья и почетные граждане Санкт-Петербурга: 1) Герман Германович Молво (1857–?) – владелец фирмы по продаже французских малярных красок «Риполин»; 2) Андрей Германович Молво (1868–?) – служащий петербургского отделения банка «Лионский кредит»; 3) Федор Германович Молво (1874–1933) – банкир, статский советник (1916). После революции был старшим делопроизводителем Народного банка РСФСР, с 1921 г. – Северо-Западной конторы Государственного банка. Информация с сайта «Российские немцы»: http://www.rusdeutschraportama.ru/jencik_statja.php?mode=view&site_id=34&own_menu_id=3315

Из текста письма трудно понять, к кому из трех братьев Молво обращался Петров, возможно, имеется в виду Ф. Г. Молво и речь идет о каких-то вопросах, связанных с оплатой работ по изданию каталога. Фамилия Молво всплывает на страницах записной книжки Врангеля, в записи от 17 июня 1914 г. См.: ОР ГРМ, ф. 96, № 12, записная книжка № 6.

⁴⁴ *Волконский Сергей Михайлович*, кн. (1860–1937) – директор Императорских театров (1899–1917), театральный режиссер, критик, мемуарист, литератор. Близкий друг Н. Н. Врангеля и автор воспоминаний о нем: *Волконский С. М. Памяти Николая Николаевича Врангеля // Волконский С. М. Мои воспоминания*. М., 1992. Т. 1. С. 74–82. В своей книге о декабристах он указывает, что в разработке и подготовке издания ему помогал «Б. Л. Модзалевский, заведующий Пушкинским Домом при Академии наук, знаток русской генеалогии и работник по архивоведению». См.: *Волконский С. М. О декабристах (по семейным воспоминаниям)*. Пб., 1922. С. 6–7.

⁴⁵ *Бертенсон Сергей Львович* (1885–1962) – русский и американский библиограф, историк литературы и театра, переводчик и сценарист. Друг Н. Н. Врангеля. В период

не имею права выслать ему “Временник”, т<ак> к<ак> он нам еще ничего не дарил, а мы люди корыстные и оказываем любезности только за взятки (но не борзыми щенками, а рукописями, книгами и т<ому> под<одобным>). Однако еще до получения Вашего письма я послал С<ергею> Л<ьвови>чу оттиск своего сообщения о Гончарове (из «Временника»), адресовав его П. А. Плетневу,⁴⁶ т<ак> к<ак> не знал адреса С<ергея> Л<ьвови>ча.

Будьте здоровы, дорогой Николай Николаевич.

Сердечно Вам преданный

Б. Модзалевский».⁴⁷

Как видно из текста письма, Борис Львович благодарит Николая Николаевича за то, что тот рекомендовал его своему другу, кн. С. М. Волконскому, для издания архива его деда, декабриста С. Г. Волконского.⁴⁸

А в конце извещает о том, что посылает ему «как жертвователю» «Временник Пушкинского Дома» на 1914 г.⁴⁹ Дело в том, что в 1913 г. Врангель подарил Пушкинскому Дому живописную картину «Пушкин в Михайловском» работы неизвестного художни-

---

Первой мировой войны — помощник делопроизводителя Кабинета ЕИВ, помощник секретаря Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины, состоял для поручений при главноуполномоченном Северного района Российского общества Красного Креста. В начале 1915 г. снимал вместе с Н. Н. Врангелем квартиру в Варшаве, находился рядом с ним в последние дни его жизни.

⁴⁶ Имеется в виду *Плетнев Петр Александрович* (1883–1972) — член Лицейского объединения, внук П. А. Плетнева (1792–1865) — поэта и критика, ректора Петербургского университета, друга А. С. Пушкина. См. о нем: Незабываемые могилы. Российское Зарубежье: некрологи 1917–1997. М., 2004. Т. 5. С. 482. В 1911 г. Академия наук приобрела у П. А. Плетнева для Пушкинского Дома архив и библиотеку его деда. См.: Временник Пушкинского Дома на 1913 год. СПб., [1914]. С. XVI. Выражаю глубокую признательность Н. Г. Охотину за помощь в подготовке комментария.

⁴⁷ РО ИРЛИ, ф. 60, № 6825, л. 3–4 об.

⁴⁸ Архив декабриста С. Г. Волконского / Сост. С. М. Волконский, Б. Л. Модзалевский. Пг., 1918. Т. 1, ч. 1.

⁴⁹ Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., [1915]. В фонде Модзалевского сохранилась визитная карточка Н. Н. Врангеля, с адресованной на имя Бориса Львовича запиской: «Многоуважаемый Борис Львович! Не откажите разрешить подателю сего Льву Марковичу Камышникову снять у Вас фотографию с принадлежавшего мне портрета Пушкина, если это не противоречит Вашим планам для Академического издания. Жму Вашу руку. Искренне Ваш, Н. Врангель» (РО ИРЛИ, ф. 184, № 225, л. 8–8 об.). В записке упоминается *Лев Маркович Камышников* (1881–1961) — русский и американский журналист и театральный критик, на тот момент — студент отделения живописи Петербургской Академии художеств.

ка,⁵⁰ которая была опубликована в XVI выпуске издания «Пушкин и его современники», сопровождаемая небольшой поясняющей запиской Врангеля «Новое изображение Пушкина», следующего содержания: «Воспроизводимая здесь картина, изображающая Пушкина, была приобретена в 1911 г. у одного антиквара Александровского рынка, причем заключено (так! – *Е. К.*) за нее было 6 рублей, так как продавец, по-видимому, и не подозревал, чей портрет у него находится».

По живописи картина эта напоминает эскизы Тропинина, его коричневый колорит и рисунок, но несколько разнится от них своей сухой и жесткой живописью, тогда как эскизы Тропинина более свободны и смелее набросаны. <...> Вернее всего считать пока это изображение Пушкина за работу “неизвестного” и ждать счастливого случая, который откроет его автора».⁵¹

В настоящее время этот портрет находится в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина, автор его до сих пор неизвестен. В 1937 г. он был опубликован в юбилейном издании «Пушкин в изобразительном искусстве», и, по мнению одного из составителей, искусствоведа Э. Голлербаха: «относится к середине прошлого столетия <...>. Она любопытна как шаткая ступень перехода от настоящих “Пушкиных” к последующей чинной скуке “живописных инсценировок”».⁵²

Последнее ответное письмо Н. Н. Врангеля датировано 17 мая 1915 г.:

«Дорогой Борис Львович, вернувшись в Варшаву, нашел Ваше письмо и пакет из Академии с воспроизведениями Елизаветинской выставки. Привел все в общую схему, но полагаю желательным еще одну корректуру во избежание ошибок. Между прочим, во всех надписях я исключил слово “портрет” (т. е. для сокращения пишу просто, напр., И. И. Бецкий раб<оты> Рослина, и наоборот). Исключения составляют только изображения самой Императрицы, т<ак> к<ак> такой порядок, ввиду многочисленности разных вещей в зале I выставки, был принят и в каталоге».

---

⁵⁰ Согласно записи в инвентарной книге Литературного музея картина поступила: «в дар от Н. Н. Врангеля в 1914 г.»: Инвентарная книга № 1 Литературного музея Пушкинского Дома. Л. 167, № 503. Ныне находится в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина, учетный номер: Ж-156.

⁵¹ *Врангель Н. Н.* Новое изображение Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1913. Вып. XVI. С. 125.

⁵² *Голлербах Э. Ф.* А. С. Пушкин в изобразительном искусстве. Л., 1937. С. 145.

Заметил также одну неполноту: именно – на портрете баронессы Лаудон⁵³ не проставлен № каталога. Не откажите в любезности посмотреть и вставить, т<ак> к<ак> у меня сейчас нет каталога с собой. Репродукцию Лаудон положил сверху, дабы Вы могли легко ее найти.

Очень жалел, что, будучи в Петербурге (не могу говорить Петроград!), не успел повидать еще раз Вас, а также Сергея Федоровича, т<ак> к<ак> узнал от Волконского, что Вы не выходите, да и сам был очень занят.

Пожалуйста, не откажите передать мой привет и сожаление Сергею Федоровичу.

Сейчас я сижу в Варшаве, работаю над историей Красного Креста нашего района⁵⁴ и вижу много интересного. В конце июня надеюсь побывать в Петербурге и очень рад буду с Вами увидеться.

До свидания.

Искренне Вам преданный

Н. Врангель.

Р. С. Большая просьба: нельзя ли выслать мне сюда корректурные листы печатающихся в Академии II-го тома “Записок” Станислава Августа?⁵⁵ Я пишу исследование о Лазенках,⁵⁶ но в I-м томе, который у меня есть, о Лазенках еще не упоминается.

---

⁵³ Имеется в виду живописный портрет баронессы Лаудон (1760), супруги фельдмаршала барона Э. Г. фон Лаудона (1717–1790) из собрания барона М. О. фон Лаудона в Петербурге. См.: Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Отдел III. С. 16, № 88. На выставке экспонировался и парный портрет ее супруга – фельдмаршала Лаудона (1760). См.: Там же. С. 15–16, № 87. В настоящее время местонахождение неизвестно.

⁵⁴ В апреле 1915 г. Н. Н. Врангель принял предложение главного уполномоченного Красного Креста по Северному району А. Д. Зиновьева (1854–1931) написать исторический очерк о деятельности этой организации в первый год войны. С целью сбора сведений вместе со своим другом, С. Л. Бертенсоном, он обследовал учреждения Красного Креста в Вильно, Митаве, Полоцке, Витебске и на передовых позициях. Но книга не была написана из-за скоростипажной кончины Врангеля.

⁵⁵ *Станислав II Август Понятовский* (польск. *Stanisław August Poniatowski*, 1732–1798) – последний польский король и вел. кн. литовский (1764–1795).

⁵⁶ *Парк Лазенки* (польск. *Park Łazienkowski*) – крупнейший дворцово-парковый ансамбль в центре Варшавы. Был создан в XVII в. голландским архитектором Т. ван Гамереном для гетмана С. Любомирского. В 1764 г. территорию приобрел последний польский король С. А. Понятовский, лично принимавший участие в подготовке архитектурных проектов и планировке интерьеров. Дворцово-парковый комплекс был разработан архитекторами Д. Мерлини и И.-К. Каммсетцером и садовником Я.-К. Шухом. Большинство зданий в парке было сожжено во время Варшавского восстания

Заранее спасибо».⁵⁷

Но этим планам Николая Николаевича уже не суждено было сбыться...

Не получил он, по-видимому, и последнее письмо Бориса Львовича, написанное 12 июня 1915 г. (за три дня до смерти адресата) и отосланное на его петербургскую квартиру ввиду того, что Врангель намеревался в конце июня вернуться в город:

«Дорогой Николай Николаевич,

Посылаю Вам еще 3 партии снимков с предметов Выставки, – на Вашу корректуру, пожалуйста, верните все на имя Сергея Федоровича, в Академию. Я завтра уезжаю в отпуск (Гатчина, Люцевская ул., д. Лукьяновой). Вашу посылку с <1 слово нрзб. – портретами?> и письмо я получил. Сергей Федорович сейчас же снесся с Лаппо-Данилевским,⁵⁸ и листы П т<ома> “Записок Понятовского” были немедленно доставлены типографией Вам на квартиру. Получили ли Вы их? Я теперь жалею, что сам не послал прямо в Варшаву.

1944 г. После войны дворцово-парковый комплекс был восстановлен, в том числе и принадлежавший Понятовскому «Дворец на воде».

Историю Лазенковского дворца Врангель начал писать по поручению управляющего Кабинетом ЕИВ генерал-майора Е. Н. Волкова (1864–1933), являвшегося также товарищем председателя Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины (РО ИРЛИ, ф. 60, № 6914, л. 44). «Материалы по истории Лазенковского дворца в Варшаве» Н. Н. Врангеля ныне хранятся в Отделе рукописей ГРМ (ОР ГРМ, ф. 96, № 122).

⁵⁷ РО ИРЛИ, ф. 184, № 225, л. 5–6 об.

⁵⁸ *Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич* (1863–1919) – историк, один из основоположников методологии исторической науки в России, академик Петербургской Академии наук (с 1905), член Археографической комиссии (с 1894). В 1909 г. Лаппо-Данилевский начал крупный археографический проект – издание мемуаров С. А. Понятовского. Первоначально мемуары предполагалось выпустить в двух томах, но после начала работы с рукописью стало ясно, что ее объем требует разделения издания на три тома. Кроме этого обстоятельства, задержавшего его выпуск, было и другое, связанное с соображениями цензуры, поскольку Понятовский был фаворитом Екатерины II. В январе 1914 г., когда первый том «Мемуаров» был уже готов к публикации, последовало распоряжение Николая II – печатать их без изъятий. В результате пришлось перепечатывать часть первого тома, который все же вышел в свет в 1915 г. Мемуары были изданы в оригинале, на французском языке (см.: *Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski*. St.-Petersbourg: Imprimerie De L'Académie Impériale des Sciences, 1914. Т. 1). Второй том вышел в свет лишь в 1924 г., под редакцией С. Ф. Платонова, также на французском языке (см.: *Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski*. Leningrad: Académie des Sciences de Russie, 1924. Т. 2). См. об этом также: *Ростовцев Е. А.* А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 175. Благодарю К. Ю. Лаппо-Данилевского за помощь в подготовке комментария.

Позвольте пожать Вашу руку и пожелать Вам всего лучшего. Кланяйтесь Бертенсону, если он с Вами.

Б. Модзалевский».⁵⁹

Анализ переписки показывает, что отношения Врангеля и Модзалевского были проникнуты глубоким и искренним взаимным уважением и симпатией, возраставшей по мере общения. Между ними было много общего: оба они горячо любили русскую старину и были искренне преданы делу сохранения и популяризации историко-художественного и литературного наследия, оба были людьми энциклопедических знаний (известно, что С. К. Маковский в шутку называл Врангеля «нашим общим энциклопедическим словарем»), прекрасными знатоками русской иконографии XVIII–перв. пол. XIX в. Общими были и колоссальная работоспособность, общительность, а также любовь к обширным научным комментариям и мощному справочному аппарату. По мнению И. Золотинкиной, «именно Врангель завел в “Старых годах” моду (распространившуюся и на другие издания) на подробнейшие сноски».⁶⁰ Как известно, подробные, скрупулезно составленные сноски и комментарии являются визитной карточкой научных трудов Б. Л. Модзалевского. Правда, Борис Львович не обладал изящным и легким слогом, свойственным искусствоведческим работам Врангеля, не была ему присуща и особая харизма Николая Николаевича, о которой упоминают его современники, но его подкупающая скромность, отзывчивость, преданность делу и желание делиться научным опытом также привлекали к себе многие сердца.

В том числе и матери Николая Николаевича – баронессы Марии Дмитриевны Врангель.⁶¹ Как известно, в 1915–1920 гг. Мария Дмитриевна активно сотрудничала с Академией наук и Пушкинским Домом, выступая посредником по налаживанию связей с владельцами

---

⁵⁹ РО ИРЛИ, ф. 60, № 6825, л. 5–5 об.

⁶⁰ Золотинкина И. Николай Врангель, барон и искусствовед... С. 58.

⁶¹ Врангель (урожд. Деметтьева-Майкова) Мария Дмитриевна (1856/1857–1944) – баронесса, мемуаристка, мать Н. Н. и П. Н. Врангелей. Как отмечает И. Золотинкина: «Мария Дмитриевна, сама обладавшая чувством прекрасного и литературным талантом, опекала любимого сына и в зрелые годы, фактически став его нештатным секретарем» (см.: Золотинкина И. Николай Врангель, барон и искусствовед... С. 51). После революции работала в Музее Старого Петербурга, до 1930 г. располагавшемся в Аничковом дворце. Осенью 1920 г. эмигрировала из Советской России. В 1922 г. опубликовала мемуары о своей жизни в послереволюционном Петрограде (см.: Врангель М. Д. Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. 1922. № 4. С. 198–214).

литературных реликвий. Познакомил М. Д. Врангель и Б. Л. Модзалевского непреременный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург, с которым она состояла в активной переписке после смерти сына. Благодаря его посредничеству в 1915 г. Мария Дмитриевна подарила Пушкинскому Дому принадлежавшие Врангелю живописный и графический портреты драматурга В. А. Озерова. Он же в письме от 26 нояб. 1915 г. рекомендовал ей передать в Пушкинский Дом и врангелевский архив:

«Глубокоуважаемая Мария Дмитриевна, от имени Пушкинского Дома благодарю Вас за портреты Озерова.⁶² Сообщу сейчас об этом Котляревскому. Портреты Озерова, кажется, очень редки. Насчет автографов думаю, что Вы правы: среди лиц, работающих по Пушкинскому Дому, все – люди, любящие памятники человеческой жизни и мысли, и они отнесутся ко всему бережно и внимательно – вполне отвечаю за них».⁶³

7 янв. 1916 г. М. Д. Врангель передала в Пушкинский Дом архив своего сына,⁶⁴ а позднее, в 1916–1918 гг., его личные вещи, мебель из рабочего кабинета и несколько произведений искусства из его собрания.

В фонде Б. Л. Модзалевского хранятся ее письма к Борису Львовичу.⁶⁵ Первое письмо датировано 16 мая 1916 г.:

«Многоуважаемый Борис Львович,

На днях секретарь моего сына покойного доставил мне принадлежащий сыну ящик с бланками. Не зная, куда их направить, я обра-

---

⁶² Согласно записям в инвентаре Литературного музея ИРЛИ, в 1915 г. М. Д. Врангель передала в Пушкинский Дом живописный портрет В. А. Озерова работы И. Ромбауэра начала XIX в.: Инвентарная книга Литературного музея ИРЛИ № 1, л. 164–165, № 496. Ныне находится в собрании Всероссийского музея А. С. Пушкина, учетный номер: Ж-153. Но в письме речь идет как минимум о двух портретах драматурга, возможно, имеется в виду рисунок из собрания Литературного музея ИРЛИ, изображающий бюст В. А. Озерова работы Г. Гиппиуса начала XIX в., учетный номер И. 47191.

⁶³ ОР ГРМ, ф. 96, № 59, л. 8. Позднее, в 1917 г., Ольденбург и Модзалевский пытались привлечь М. Д. Врангель к изданию каталога Елизаветинской выставки, так, в письме от 24 февр. 1917 г. Сергей Федорович отмечает: «Б. Л. Модзалевский сообщил мне о Вашем согласии помочь нам в деле издания выставки. Мы посылаем Вам громадное дело, где материалы для предстоящей работы» (Там же, л. 17). Но, по-видимому, из-за финансовых и политических осложнений эта работа так и не была окончена.

⁶⁴ *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: исторический очерк. СПб., 2006. С. 28.

⁶⁵ В фонде Б. Л. Модзалевского хранится 13 писем М. Д. Врангель к Борису Львовичу, датированных 1916–1923 гг. В нашей публикации приводятся полностью и с сокращениями тексты двух из них – от 16 мая 1916 г. и от 13 ноября 1918 г. – в которых упоминается наследие Н. Н. Врангеля.

тилась к С. Л. Бертенсону, он сообщил мне о Вашем любезном разрешении адресовать их на Ваше имя. 2 ящика еще с библиографическими карточками гр<аф> Зубов⁶⁶ обязался доставить в Академию 15-го мая. Я очень сожалею, что была так мало осведомлена о задачах Пушкинского Дома. Я знала, что сын очень сочувствовал этому учреждению, но в моем представлении это был как бы писательский музей, и я даже понятия не имела, что имущества, подобные имуществу сына, туда принимают. Я бы, конечно, сразу направила все к взятым уже ранее Вами некоторым документам и материалам, не дробя это небольшое имущество. Из инвентарного списка, находящегося, наверное, у В. И. Срезневского,⁶⁷ Вы усмотрите, что оно хотя не велико, но разнообразно. Со временем оно должно быть еще пополнено, так как из книг сына по искусству у нас еще осталось порядочное количество, которое согласно моему желанию также должно быть присоединено. А пока меня очень интересует результат моего заявления Н. А. Котляревскому – что именно переведет в Пушкинский Дом?

В *дополнение* к имеющимся в инвентаре коллекции фотографий досылаю еще мной усмотренные, а также конверт с мелкими материалами. Соблаговолите то, что по рассмотрении бумаг сына найдете неподходящим, а среди стихотворений – слабыми, согласно настойчивым просьбам покойного – верните мне. Я буду в городе до 18 июля. Извините меня за длинное письмо и позвольте воспользоваться случаем сердечно поблагодарить Вас за участливое отношение к памяти сына.

С искренним уважением,
Бар<онесса> М. Врангель».⁶⁸

---

⁶⁶ *Зубов Валентин Платонович* (1884–1969) – граф, искусствовед, доктор философии, основатель петербургского Института истории искусств (1912), первый директор Дворца-музея в Гатчине (1917–1918), близкий друг Н. Н. Врангеля. В 1925 г. эмигрировал в Германию, затем – во Францию. С 1951 г. – генеральный секретарь правления Русской академической группы в Париже. Читал лекции в Русском научном институте (1951–1960), на Высших женских богословских курсах (1953–1955), в Центре по изучению православия при Богословском институте в Париже (1954–1955), на славянском факультете Католического института (1956).

⁶⁷ *Срезневский Всеволод Измаилович* (1867–1936) – историк литературы, археограф, палеограф, библиограф, чл.-кор. ОРЯС ИАН (с 1906). С 1893 г. – сотрудник БАН. В 1901 г. – хранитель Отделения славянских рукописей БАН, работал на этом посту до выхода на пенсию в 1931 г. 31 дек. 1915 г. М. Д. Врангель, также по совету С. Ф. Ольденбурга, передала в собрание БАН часть архива и библиотеки Н. Н. Врангеля. Опись переданных в БАН материалов ныне хранится в Отделе рукописей ГРМ: ОР ГРМ, ф. 96, № 63.

⁶⁸ РО ИРЛИ, ф. 184, № 224, л. 1–2 об.

Второе письмо датировано 13 нояб. 1918 г.:⁶⁹

«Первое письмо мое к Вам не пришлось послать, Борис Львович, все, казалось, было налажено для моего отъезда,⁷⁰ но новое усложнение с бумагами для выезда пригвоздило меня было здесь. Теперь надеюсь уехать 15-го. <...> Теперь перехожу в область Пушкинского Дома. <...>

Летом я направила Нест<ору> Алекс<андровичу>⁷¹ 20 с лишним выпусков “Истории живописи” А. Н. Бенуа⁷² и квитанцию на дальнейшее получение. Девушка Н<естора>А<лександровича> в Академии не нашла, кому-то передала, получили ли? Осенью на мой весенний призыв к Стасовым пожертвовать часть их архива, я знаю, В<арвара>Д<митриевна> Комарова⁷³ откликнулась, послала Вам 2 ящика, мне же прислала ее личные материалы. Боясь причинить Вам осложнения моей перепиской, я направила Н<естору> А<лександровичу> на Кировную материалы В<арвары>Д<митриевны>, письмо Араповой о больной дочери Пушкина⁷⁴ и две мои акварели могилы сына.⁷⁵ Не зная, уместны ли, просила Н<естора>А<лександ-

---

⁶⁹ Там же, л. 28–34 об. Публикуется с сокращениями.

⁷⁰ Речь идет о предполагавшемся отъезде М. Д. Врангель в эмиграцию, но осуществить свой замысел ей удалось лишь в конце октября 1920 г.

⁷¹ *Котляревский Нестор Александрович* (1863–1925) – историк литературы, академик ИАН (1906), литературный критик, публицист, первый директор Пушкинского Дома (с 1910).

⁷² *Бенуа А. Н. История живописи всех времен и народов*. СПб., 1912–1917. Т. 1–4. Издание не окончено.

⁷³ *Комарова Варвара Дмитриевна* (урожд. *Стасова*; 1862–1943) – историк литературы и музыки, писательница, мемуаристка, исследовательница творчества Жорж Санд. Дочь юриста Д. В. Стасова, племянница критика В. В. Стасова. Познакомилась с Б. Л. Модзалевским в 1918 г. благодаря посредничеству М. Д. Врангель. В 1919–1932 гг. работала в Пушкинском Доме, передала в Рукописный отдел большую часть обширного архива и реликвий семьи Стасовых.

⁷⁴ Ныне хранится в Отделе рукописей ГРМ: ОР ГРМ, ф. 96, № 49, л. 1. Речь идет о старшей дочери Пушкина – *Марии Александровне Гартунг* (1832–1919), после революции оставшейся без средств к существованию. С конца 1917 г. по май 1918 г. она жила в Петрограде, у своей сестры *Александры Петровны Араповой* (1845–1919) – старшей дочери Н. Н. Пушкиной от брака с П. П. Ланским. В своем письме А. П. Арапова просила М. Д. Врангель выхлопотать пенсию для «последней в живых дочери бессмертного поэта». Благодаря ходатайствам Н. А. Котляревского и А. В. Луначарского Наркомсобес выделил М. А. Гартунг персональную пенсию, которую она не успела получить. Умерла в Москве 7 марта 1919 г. См. об этом: *Михайлова Н., Петрушева Л.* «...Помогите дочери бессмертного поэта» // *Литературная Россия*. 1991. № 23. С. 11. Благодарю Т. И. Краснобородько за помощь в подготовке комментария.

⁷⁵ В настоящее время местонахождение неизвестно.

ровича> сообщить, указала, что телефон мой остается прежний. Его на Кирочной не оказалось, прислуга обещала ему переслать, надеюсь, что все получили?

Сегодня препровождаю Вам весьма наивную вещь, быть может, Вы найдете забавным: “художеств<енные> произведения” малолетнего будущего критика и историка искусства?⁷⁶ А. Н. Бенуа придает подобного рода упражнениям некоторое значение. Если я, быть может, преувеличила интерес к ним, то без церемоний верните их моему адвокату, лишь бы они не очутились в ненужном Вам мусоре. На руках у меня остается еще чернильница сына,⁷⁷ которую Вам перешлют на другой день после моего отъезда, также ежегодный сборник газетных вырезок, которые я, несмотря на все ужасы текущей жизни, так же систематично, как и прошлые годы, собирала. Мне кажется, передавая с душевной радостью мало-помалу все оставшееся после сына – Вам – набрался материал полный, собранный воедино, и мне думается больше ничего не остается делать для закрепления памяти о нем. Была и есть у меня заветная мечта оставить у Вас же в Пушкинском Доме хотя бы небольшую сумму для премии имени сына за работы по вопросам искусства. Все было уже налажено и мной предусмотрено, но новые течения жизни моим намерениям осуществиться пока помешали. Бог даст будущее не отнимет от меня этой радости!

Заканчивая мое письмо, Борис Львович, я не могу не сказать Вам еще раз, что Ваше радушное сердечное содействие мне к закреплению памяти о сыне никогда не забудутся мной. Я так счастлива, что все дорогое мне нашло убежище в Вашем высоком учреждении, теперь, когда я уезжаю из Петербурга, должна покидать все – это большое для меня утешение!

Извините меня, Борис Львович, что я так много услуг прошу у Вас сразу, но во мне уверенность, что Вы по доброте своей сделаете все, что нужно. Заранее благодарю и искренно сожалею, что была лишена возможности попрощаться с Вами и лично пожелать Вам сил и здоровья на долгие годы, на пользу Вашего любимого дела.

М. Врангель».⁷⁸

И внизу делает приписку:

---

⁷⁶ Имеются в виду ранние писательские и поэтические сочинения Н. Н. Врангеля, ныне эти материалы хранятся в ОР ГРМ: ОР ГРМ, ф. 96, № 85–87.

⁷⁷ Передана М. Д. Врангель в дар Пушкинскому Дому в 1918 г. Ныне – в собрании Литературного музея ИРЛИ, учетный номер: И. 1874.

⁷⁸ РО ИРЛИ, ф. 184, № 224, л. 28–34.

«Вы как-то просили меня, Борис Львович, дать Вам план кабинета Коки, это, конечно, затруднительно, во 1-х, <потому> <то> нужны 4 стены, едва ли Вы располагаете для отдельного человека таким пространством, а кроме того, некоторых вещей у Вас нет – письменного стола и что-то другое – тем не менее я могу дать некоторое распределение, не смейтесь только над моим рисовальным искусством, совсем примитивное творчество. Смотрите на обороте».⁷⁹

В РО ИРЛИ сохранился рисунок кабинета Н. Н. Врангеля, сделанный рукой его матери.⁸⁰ Замечательное описание кабинета принадлежит перу его друга, кн. С. М. Волконского: «Вижу его у себя, на Басейной, в квартире, набитой прекрасными вещами, собранными им и его отцом. В маленьком своем кабинете, который был ему и спальней, на диванчике красного дерева,⁸¹ обитом русской набойкой, которую мы вместе выбирали на Кустарной выставке, под причудливым портретом Озерова, сидел он и угощал меня чаем с вареньем <...>. Вокруг него книги, тетради, бумаги, масса начатого и неначатого».⁸²

Исторические обстоятельства сложились так, что стипендия им. Н. Н. Врангеля в Пушкинском Доме так и не была учреждена, более того, баронесса Врангель потеряла все свое имущество и должна была вести полуголодное существование в революционном Петрограде. А в октябре 1940 г. значительная часть архива Врангеля, включавшая его переписку с деятелями искусства, обширную картотеку художников и собрание фотографий художественных произведений, была передана по обмену в Русский музей.⁸³

Но сохранившаяся в Рукописном отделе небольшая переписка Модзалевского и Врангеля хранит свидетельство их сотрудничества над одним из самых выдающихся историко-художественных проектов начала XX в., которое стало взаимообогащающим для них обоих. Еще одним, уже посмертным примером их научного сотрудничества стали основанные на изучении материалов архива Академии наук статья

---

⁷⁹ Там же, л. 34.

⁸⁰ Там же, л. 34 об.

⁸¹ Диван красного дерева 1820-х гг. и мебельный гарнитур из кабинета Н. Н. Врангеля были переданы М. Д. Врангель в дар Пушкинскому Дому в 1918 г. Ныне эти вещи украшают экспозицию зала «Русской литературы первой половины XIX века» Литературного музея ИРЛИ.

⁸² *Волконский С. М.* Памяти Николая Николаевича Врангеля. Т. 1. С. 80.

⁸³ *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: исторический очерк. С. 258. В настоящее время эти материалы вошли в состав личного фонда Н. Н. Врангеля в ОР ГРМ, ф. 96.

Н. Н. Врангеля «Первые годы Академической школы» – о европейских художниках, работавших в начале XVIII в. в Петровской Академии, и биографический очерк Б. Л. Модзалевского, посвященный конференц-секретарю Академии художеств А. М. Салтыкову, опубликованные в 1934 г., на заре сталинской эпохи, в сборнике статей «Русская академическая художественная школа в XVIII веке».⁸⁴

Выступая на торжественном заседании памяти Н. Н. Врангеля, устроенном «Обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» в Академии наук 15 дек. 1915 г., А. Н. Бенуа высказал мысль о том, что наступит время, когда об истории русского художественного движения начала XX в. будут говорить как «об эпохе Врангеля»,⁸⁵ но эти же слова можно переадресовать и его скромному и немногословному коллеге по научному цеху, создавшему Пушкинский Дом, назвав ее эпохой Модзалевского.

---

⁸⁴ Врангель Н. Н. Первые годы Академической школы // Русская академическая художественная школа в XVIII веке / Известия Государственной академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. М.: Л., 1934. Вып. 123. С. 11–29; Модзалевский Б. Л. Конференц-секретарь Академии художеств А. М. Салтыков: Биографический очерк // Там же. С. 95–98.

⁸⁵ Цит. по: Золотинкина И. Николай Врангель, барон и искусствовед... С. 53.